

КОЛЬЧАК НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1905 г. в селе Иваново ныне Кобринского района Гродненской области. Русский. Член КПСС с 1930 г. До 1917 г. жил в Москве. В 1918 г. добровольно вступил в ряды Красного Флота. Под Петроградом в боях с Юденичем был ранен. В 1928 г. окончил военную пехотную школу. До 1937 г. служил в Средней Азии. С 1937 по 1944 г. снова жил и работал в столице. На фронте — с 1944 г. Командовал стрелковым полком. Звания Героя Советского Союза удостоен 24 марта 1945 г. В 1946 г. в звании полковника уволился из армии по болезни. В 1968 г. умер.

ВОЕННЫЙ КОМЕНДАНТ ВИТЕБСКА

Я держу книжку в грубой обложке с очень прозаическим названием: «Проведение занятий со стрельбой по панораме с помощью оптического прицела». Книжка выпущена Воениздатом в 1940 году, написал ее в те годы майор, преподаватель курсов «Выстрел» Николай Николаевич Кольчак. Газета «Красная Звезда» 16 августа 1940 года поместила на нее рецензию. «В рекомендованной брошюре, — подчеркивалось в ней, — командиры Красной Армии найдут практические примеры, как проводить занятия по технике управления огнем пулеметного отделения и взвода со стрельбой по панораме и с использованием оптического прицела».

Рассказываю подробно об этой работе Кольчака потому, что ее автор — незаурядный человек в вопросах теории и практики стрелкового дела. В этом убеждаешься, листая тетрадь из семейного архива, которую любезно предоставила младшая дочь Кольчака — Наталья. Четким почерком Николай Николаевич аккуратно записывал в тетради статьи, опубликованные им в 1937—1938 годах. Немногим более чем за год, как явствует из тетради, в «Красной звезде», «Военном вестнике» и других изданиях были опубликованы 52 его статьи.

Как вспоминают сослуживцы по курсам «Выстрел», этот

несколько педантичный командир был исключительно дисциплинированным, а главное — человеком, влюбленным в военное дело. Служба в армии, в которую он добровольно вступил в 1918 году, стала смыслом всей его жизни.

Кольчак не только отлично знал стрелковое оружие, но и мастерски владел им: будь то в стрельбе из револьвера или станкового пулемета. Потому-то его статьи в газетах и журналах вызывали у читателей интерес.

Биография Николая Кольчака проста. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции жил в Москве, а после переезда родителей в Петроград, в октябрьские дни, переехал в Кронштадт. Революционные матросы Балтики стали для него идеалом в борьбе за новую жизнь. В Кронштадте Николаю удалось поступить юнгой на военный транспорт «Татьяна», потом он перевелся на эсминец «Азард». Затем Кольчак служит юнгой на одном из мощных кораблей Балтфлота линкоре «Андрей Первозванный», который стал его вторым домом. Командовал кораблем Лев Михайлович Галлер.

Кольчак всю жизнь гордился тем, что он, революционный моряк, участвовал в подавлении белогвардейского мятежа форта «Красная Горка». Коле шел тогда всего лишь шестнадцатый год.

В экипаже никто не удивился, когда Коля Кольчак вместе с другими добровольцами линкора записался в 1-й Кронштадтский отряд особого назначения, сформированный в сентябре для защиты революционного Петрограда от войск Юденича. Отряд этот по приказу командования 7-й армии был послан на самое опасное направление. Балтийцы героически сражались с отборными батальонами белого генерала Родзянко. Вместе со всеми мужественно переносил все тяготы походно-боевой жизни и Коля. В отряде гордились, берегли юнгу как могли. И все-таки во время одной из атак белогвардейцев пуля угодила Кольчаку в правую руку, перебив кость. Однако рана быстро зажила.

До 1922 года Николай Кольчак служил на Красном Флоте. Но в связи с переходом Красной Армии и Флота на мирное положение его демобилизовали как не достигшего призывного возраста. В штабе рассудили примерно так: «Для парня военная служба преждевременна, тем более что он уже ранен, навоевался. Пусть отдохнет». И никто тогда не задумался над тем, что Николаю некуда деться.

В те дни в Петрограде тысячи людей искали работу. Николай окликнул мужчину в форме инженера-путейца.

— Хотите получить работу, идемте со мной,— предложил незнакомец.

— Куда?

— Пока чернорабочим, будем восстанавливать железную дорогу.

Около года работал на железной дороге Кольчак. Потом началось строительство Волховской электростанции. Николай подался туда, хотя по-прежнему мечтал стать командиром Красного Флота. Но когда пришло время службы в армии, его направили в пехотную школу, которую он окончил в 1928 году. Затем молодой краском, командир взвода Кольчак приехал служить в Среднюю Азию, в стрелковый полк. Знакомство с новым местом службы началось с боевой тревоги. Полк выступил в поход против басмачей. Почти сразу же за казармой бывший моряк увидел безбрежное море песков. Под палящим солнцем это море Николаю казалось почти белым, раскаленным. До песка невозможно было дотронуться. И еще, что он заметил: пески, как вода, не оставляют на себе следов. Это затрудняло поиск басмачей.

В походах по пустыне Николай Кольчак познакомился с командиром И. Е. Петровым, будущим командующим фронтом. Тот с большим уважением относился к молодому командиру.

Постепенно Николай Николаевич втянулся в службу, вступил в партию, там в 1933 году за борьбу с басмачами получил свою первую награду — Почетную грамоту ЦИК ТурССР.

В 1937 году Кольчак вернулся в столицу: его назначили преподавателем на курсы «Выстрел». На курсах не только обучали командиров военным наукам, но и испытывали образцы нового оружия.

Кольчак с присущей ему заинтересованностью, настойчивостью засел за учебники. Вскоре преподавание стало его увлечением. Незаметно пролетели три года. Началась война. Перед армией, страной встали новые задачи. Вновь был введен всеобщий, нужно было спешно готовить бойцов для армии и флота. Авторитет Кольчака, его деловитость были у всех на виду. Естественно, что старшего преподавателя курсов «Выстрел» заметили и в 1942 году назначили заместителем начальника отдела Главного управления всеобщего военного обучения. Но кабинетная работа была не по нему. Однако в отправке на фронт отказали из-за болезни. И когда Николаю Николаевичу предложили должность начальника снайперской школы, он с радостью согласился.

Одновременно с мужской снайперской школой по инициа-

тиве ЦК ВЛКСМ была создана в Вешняках Московская центральная женская школа снайперской подготовки. По путевкам комсомола сюда съезжались девушки-патриотки из разных концов страны. Всех их объединяла святая ненависть к врагу. Срок обучения в школе устанавливался в шесть месяцев. Это все-таки было необычное воинское подразделение — женское, со своей спецификой, сложностями в быту и в службе. Ротными были мужчины, в основном фронтовики, выписанные после поправки из московских госпиталей.

Политическая учеба девушек, решение всех бытовых вопросов легло на плечи комиссара школы Екатерины Никифоровны Никифоровой — женщины энергичной, волевой, опытного партийного работника. Для многих она стала матерью, старшим другом, товарищем.

Но уже на первых занятиях выяснилось, что место для размещения школы выбрано неудачно: не было стрельбища на все дистанции, учебных полей с различным рельефом. Все это мешало учебному процессу. Поэтому летом 1943 года снайперская школа перебралась в летний лагерь. Пока снайперы обучались в лагере, командование подыскивало школе новое место.

Вскоре произвели первый выпуск пятидесяти девушек-снайперов. На фронт они уехали всей группой.

В управлении давно подбирали для женской снайперской школы знающего начальника, отличного педагога, владеющего искусством меткого выстрела. В феврале генерал И. Н. Пронин подписал приказ о назначении на эту должность Н. Н. Кольчака. Узнав об этом решении, тот не на шутку расстроился, подал рапорт об отправке на фронт, но получил отказ. И хотя Кольчак от своего не отступил, решил на время начальству не надоедать, а взяться за организацию учебного процесса.

Подполковник решительно выступил против шаблона, упрощенчества в подготовке снайперов. Навел порядок на стрельбище. До этого здесь каждый курсант знал, когда, на каком расстоянии появится мишень, и метко поражал ее. Подобные «успехи» порождали самоуверенность, зазнайство.

Кольчак, получив разрешение, выехал в части 3-й ударной армии Калининского фронта, где воевали выпускницы школы, чтобы самому увидеть их в деле. На фронте стояло относительно затишье.

С разрешения командования Кольчак выбрался на передний край. У воспитанниц школы на этом участке результаты были неплохими. На 23 августа 1943 года они уже уничто-

жили 433 гитлеровца. Однако это не помешало подполковнику заметить упущения.

Своим четким стремительным почерком он записал в блокнот, что девушки не обучены умению длительного наблюдения за противником через оптический прицел. У некоторых началось раздражение роговой оболочки глаза, слезотечение. Упрощение мишенной обстановки на учебных полях привело к тому, что в бою снайперы терялись, не знали, где искать врага. Иногда это им стоило жизни... От подполковника не скрылась такая, казалось бы, мелочь: на фронте снайпер, как правило, находился в каске. Если она была плохо закреплена на голове ремешками, после выстрела съезжала и передним ободком ударяла по прицелу, повреждая тем самым окулярную трубку. Винтовка выходила из строя. Вот во что обходилась «мелочь». Наблюдая за боевой работой снайперов, Кольчак отметил, что у некоторых из них нет азарта охотника, выслеживающего врага, умения быстро обнаруживать и упреждать противника. В школе девушек обучали в основном стрельбе из положения лежа, на фронте же им чаще приходится стрелять из окопа стоя и даже сидя...

Шаг за шагом, иногда рискуя, под огнем противника изучал Кольчак боевую работу воспитанниц и свои недостатки, недоработки. По возвращении в Москву он дополнил программу обучения снайперов многими элементами, подмеченными на фронте, составил памятку «Двенадцать заповедей снайпера». Документ сразу получил признание у командиров рот, взводов, отделений, политработников. Это был пример той оперативности, которая была присуща Кольчаку.

За время существования школы из ее стен было выпущено свыше 2 тысяч снайперов, отважно сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками.

По далеко не полным данным, они уничтожили свыше 12 тысяч вражеских солдат и офицеров. Многие воспитанницы школы были награждены орденами и медалями. А двум девушкам-снайперам А. Н. Молдагуловой (ее именем названа одна из улиц в Москве) и Т. Н. Барамзиной было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1970 году в Вешняках одна из улиц в память о снайперской школе названа Снайперской.

Подполковник Кольчак проявил большую настойчивость перед Генеральным штабом, чтобы получить разрешение на вызов выпускниц школы из действующей армии для обмена опытом. В школу первой приехала старший сержант Вера Артамонова, награжденная боевым орденом. Курсанты затаив дыхание слушали фронтовичку. Особенно запомнился девчатам

рассказ о том, как Вера шла в атаку в боевых порядках стрелковой роты. Умело используя местность, она вела меткий огонь по гитлеровцам, выводила из строя офицеров, пулеметные и минометные расчеты. Только в том бою девушка уничтожила 25 фашистов.

Приходили с фронта и печальные вести. В один из дней доставили извещение о гибели снайпера Александры Шляховой. Шляхова дружила со старшей дочерью Кольчака, не раз бывала у них дома. Училась Александра отлично по всем предметам. За отличную стрельбу ее наградили именной снайперской винтовкой. Двадцатилетняя Шляхова стала грозой для гитлеровских захватчиков. На счету девушки числилось 63 уничтоженных врага.

Печальные известия, которые Кольчак получал с фронтов, торопили его. Он был серьезно болен. Но разве болезнь могла служить оправданием тому, что он еще не на фронте! Обо всем этом Кольчак написал генералу И. Е. Петрову. Вскоре пришел дружеский ответ: Иван Ефимович обещал переговорить о нем с командующим фронтом И. Д. Черняховским и в управлении кадров.

В мае 1944 года полковник Кольчак убыл из Москвы в распоряжение Военного совета 3-го Белорусского фронта. Его назначили командиром 294-го стрелкового полка, в 184-ю дивизию генерала Басана Городовикова.

На обживание, знакомство у Кольчака времени не было, бои такой возможности ему не давали. В ходе операции «Багратион» советские войска окружили и уничтожили витебскую группировку врага. 294-й стрелковый полк с боями вышел на ближайшие подступы к городу. Все задачи он выполнил своевременно.

В ходе боев Кольчак держался строго. Но за внешней суровостью, сдержанностью скрывалась нежная, беспокойная душа. Сотни нитей связывали полковника с домом, любимой женой, которая осталась в Москве. Читая его письма тех далеких лет, обращенные к Елене Ивановне, преклоняешься перед силой и неугасимостью любви, чистотой и благородством отношений. Николай Николаевич использовал каждое затишье между боями, каждую оказию, чтобы послать весточку домой. Это стало для него потребностью — чтобы не тосковал, не мучился напрасно в ожидании дорогой ему человек.

2 июля 1944 года полковник Кольчак сообщал жене:

«Дорогая моя ласточка! Не писал тебе с 26.06., т. к. в эти дни была такая кутерьма и каша, что просто не было никакой возможности. Утром 26-го меня вызвали к начальнику, и

через 30 минут я уже сидел в машине и ехал на должность коменданта города Витебска, хотя последний еще находился в руках немцев.

И вот с утра 27.6 начался какой-то кошмар. Сплю в сутки два-три часа. В общем, даже трудно сказать, каких вопросов не приходится решать, потому что комендант является высшей военной и гражданской властью в городе. И поэтому ко мне сюда идут все — от пленных немцев до наркомов. И каждого надо выслушать. И по каждому делу необходимо принять решение».

18 дней полковник Кольчак пробыл в новой должности. Но и за это время успел многое сделать для жителей Витебска: наладил выпечку хлеба, разминировал здания, обезвредил оставленные в ходе боев боеприпасы, наладил железнодорожное сообщение, медицинскую помощь населению...

Потом из штаба фронта поступил приказ: «Полковнику Кольчаку вернуться в полк!» На сборы много времени не требовалось. Зашел в исполком, горком партии, попрощался и — в путь. За Минском догнал полк. По рации немедленно доложил генералу Городовикову о том, что приступил к исполнению обязанностей.

— Быстро! — похвалил комдив. — Готовься к форсированию Немана! А завтра жду у себя...

20 июля на подручных средствах, с ходу одним из первых 294-й полк форсировал многоводный Неман. В ожесточенной схватке, переходящей в рукопашную, батальонам удалось захватить плацдарм на левом берегу. Кольчак ни на минуту не покидал наблюдательный пункт в боевых порядках первого эшелона полка, руководил отражением контратак превосходящего противника. Временами казалось, что нового натиска гитлеровцев не выдержать обескровленным батальонам. Но люди не щадили себя, рвались вперед.

Наступил август. Бои не утихали. Особенно трудно в те дни приходилось 294-му стрелковому полку, наступавшему на главном направлении. Кольчак, докладывая командиру дивизии о боевых действиях подразделений, рассказал ему о высоком мужестве и отваге воинов первого и второго стрелковых батальонов, хотя в каждом из них осталось лишь по сто активных штыков. Командир полка лично наблюдал, как до трех пехотных рот гитлеровцев с 30 танками перешло в наступление. Фашисты шли в психическую атаку во весь рост. Из мощных репродукторов над полем боя угрожающе разносилось: «Рус, сдавайся! Раздавим!»

Первая стрелковая рота, которой командовал капитан

Е. И. Мазикин, стойко встретила атакующих. И хотя в роте осталось не более 30 бойцов, никто не отступил перед врагом. Трижды гитлеровцы кидались на роту Мазикина. И трижды откатывались назад, не выдержав меткого огня воинов. Бой не утихал и на позиции 4-й стрелковой роты лейтенанта А. А. Философова. Ротные пэтээровцы подбили несколько танков и в рукопашном бою тоже отбросили контратакующих гитлеровцев.

15 августа полк, взаимодействуя с танкистами, наступал на правом фланге дивизии. Подразделениям, умело управляемым Кольчаком, удалось прорвать вражескую оборону на глубину шесть километров и овладеть сильным узлом сопротивления Вале. Однако он приказал командирам батальонов не задерживаться у оставшихся очагов сопротивления, а быстрее пробиваться к границе.

К концу дня роты капитана Мазикина и старшего лейтенанта Евдокимова вырвались вперед. Кольчак решил немедленно использовать успех наступающих. Придав Евдокимову минометы, пулеметы и саперов, он приказал комбату разбить роту на несколько самостоятельных групп. Фланговым маневром они обошли противника и вынудили его отойти за реку Шешупа. Боевые действия стрелков непрерывно поддерживала полковая артиллерия. Вместе с бойцами Мазикина артиллеристы уничтожили и подбили 17 вражеских танков.

Вот как об этом бое рассказал сам Кольчак в письме жене: «Я могу тебя порадовать: сегодня на рассвете мой полк первым из всей армии вышел на границу Восточной Пруссии... Но, конечно, все это досталось не так-то легко. Были такие минуты, которые не хотелось бы пережить еще раз. Немцы сопротивлялись изо всех сил. Достаточно сказать, что за один день боя перед выходом на границу только на долю моего полка досталось отбить контратаку 50 танков. И при этом 27 штук мы разбили, сожгли... Был, например, момент, когда на мой КП наскочило шесть фашистских танков. А у меня, кроме двух-трех офицеров и связистов, никого не было. Но так как со мной уже подобные случаи бывали, то мы выкрутились и на этот раз. Правда, кое-кто из моих погиб, но все шесть вражеских машин были сожжены артиллеристами.

Мне тоже досталось. Когда меняли КП, шел я, адъютант Валя Кондратьев и радист. Немецкий танк метров со ста стал бить из пушки и пулемета. Одним снарядом убило радиста, а мне попало осколком в левый бок и немного оглушило. В общем-то, пострадал немного, ранение касательное... Сильно пострадал плащ, в который я был одет. У Вали осколком сорва-

ло фуражку и разнесло в клочья. В общем, все обошлось благополучно, я даже не уходил из строя...»

Едва затих бой, в полк приехал генерал Городовиков. Он поблагодарил Кольчака, всех бойцов и командиров за мужество. Обращаясь к офицерам, находившимся на командном пункте полка, генерал радостно сообщил:

— Наша сто восемьдесят четвертая дивизия три года назад на этом участке приняла удар гитлеровцев. И вот мы вернулись. Полковник, готовьте людей к тому, чтобы первыми перешагнуть границу вражеской страны!

Комдив попрощался и в сопровождении автоматчиков отправился к соседям.

Николай Кольчак с командного пункта отчетливо видел в тонущей голубой дымке островерхие башни кирхи и утопающий в зелени немецкий поселок с красными крышами. Перед ним была Восточная Пруссия, которую гитлеровцы одели в бетон и железо. Многие месяцы возводились здесь мощные укрепления.

Теперь воинам полка Кольчака предстояло первыми прорвать вражескую оборону. Единственное, чего Николаю Николаевичу, как и каждому, больше всего хотелось в эти часы, дожить до победы. До полного нашего торжества.

Уже целый месяц полк не выходил из боя. От грохота разрывов и содрогания земли человек временами буквально тупел. В голове шум, в висках кровь стучала тяжелыми молоточками. Даже у бывалых воинов сердце поминутно сжималось от взрывов снарядов и мин.

18 октября 1944 года Кольчак написал жене: «Я уже вторые сутки двигаюсь с боями по Германии. Первыми мы вышли на границу и 16 октября опять первыми же перешли границу и заняли город Шервиндт. Наша победа имеет большое политическое и военное значение, даже самый большой хозяин справлялся из Москвы по телефону, действительно ли мы заняли этот город.

Сейчас сижу в подвале в Шервиндте, получил по телефону благодарность Военного совета за умелое проведение боевых действий. Через час нас будут снимать кинооператоры. В общем, мы попали в разряд победителей...»

За стойкость и отвагу 294-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени, а его командир за личную доблесть и выход на государственную границу первым из всех частей представлен к званию Героя Советского Союза.

В. Киселев